

Корякскому писателю Владимиру Коянто - 65

ШУМИ, АМУР...

Михаил Михайлович Пришвин писал про Амур: "Нельзя про такую реку сказать бегит: Амур не торопится! - нельзя также сказать, что течет, все реки текут и струятся, но Амур-река идет!"

Для чего нам нужна земля? - часто спрашиваем мы сами себя и тут же отвечаем: для жизни.

И сейчас, когда красивый лайнер "Семен Дежнев" вместе с Амуром идет вниз по течению, я с какой-то трепетной благодарностью вспоминаю Михаила Михайловича за когда-то сделанное им открытие.

Идет Амур! Седой, великий! Идет, как и тогда, когда его впервые увидел певец русской природы, сказавший о нем: "Береговые таежные сопки уходят в туманную даль. Смотрел бы, смотрел и, будь положение, взял бы да и запел".

Мы, участники семинара писателей Севера - молодцы! И мы, конечно же, поем:

"Шумы, Амур, шуми, наш ба- тышка!"

А рядом с нами...

ЧЕЛОВЕК ЭТОЙ ЗЕМЛИ

Погруженный в мысли, он стоит на носовой палубе "Семена Дежне- ва" и любуется Амуром - плавным, седым.

О чем он сейчас думает? Этот красивый и седой, как Амур, человек? О великой реке, когда-то навсегда покорившей его, о людях, пришедших на эти берега много лет назад? Или же о новом романе о русских мореплавателях?

А, может быть, теперь его мысли там, в устье Амуре, где будет закладываться памятник Невельскому и куда он едет...

Иногда небольшое судно начинало вдруг швырять как щепку, я все равно не переставал любоваться им.

Он, придя в воротник плаща, подставлял ветру свое суковое, в то же время красивое лицо. Он словно дразнил ветер и, подымая когонибудь из дальневосточных писателей или просто знакомых на нос корабля, сквозь брызги, соленые брызги Амурского лимана, показывал на какой-нибудь незаметный островок или просто на берег (он хорошо знал эти места) и рассказывал, без устали рассказывая об Амуре, о друзьях дальневосточниках и вообще о Дальнем Востоке.

И все было интересно, и всем хотелось его слушать. Все знали: он человек этой земли дальневосточной, хотя родился в центре России, живет в Риге, а сердцем весь здесь.

Лауреат многих Государственных премий, автор замечательных книг "Амур-батюшка", "Далекий край", "Капитан Невельской", "Война за океан", "Золотая лихорадка" и нового романа "Цунами", Николай Павлович Задорнов сегодня гость на этой земле. Но мы этого не чувствуем, ибо он наш земляк. Он едет с нами, северянами, он наш учитель и приятель.

Большой, седой, красивый и добрый Николай Павлович идет теперь вместе с Амуром и рядом мы - нанайцы и чукчи, нивхи и коряки, эвенки и эвенки. Рядом надолго, на всю жизнь. Мы - литераторы!

Амур - Хабаровск - Палана.

1971 г.

ОХ, МАШТЕР ШАША!

1967 год. Хабаровск. Апрель. Хабаровская весна стала теплой и доброй от талантов земли дальневосточной - проходил Всероссийский фестиваль самодельного искусства. Наш танцевальный ансамбль и балет "Мэнго" при нем стали лауреатами.

Амурчане пригласили нас на 80-летие Благовещенского драматического театра.

На юбилейном вечере зал был полон. После обменных приветствий полилась народная мелодия, медленно поплыл занавес, и пошла первая картина балета: мрачен Иньяла - богач. Эту роль исполнял Боря Жирков. Рядом шаман - Женя Панкаринов. Танцор и бубнист из Иванчи. Природный шаман. Мы с Женей родились в одном селе, и я видел, как он мастерски мог копировать все шаманские танцы и мелодии своего дяди Алистарха. И Саша Гиль, выбирая артиста на роль шамана, не колеблясь, взял Женю.

Все тревожнее и тревожнее мелодия. Шаман понимает, почему мрачен Иньяла - он влюблен в красавицу Айю - жену Юльты... Он посылает Мияги-силача (рослый, красивый чучка из Верхних Паха- чей - Боря Аев) за ней, а сам творит танец - зывание к Духам...

Женя никогда не повторялся в танце. Входя в шаманский экстаз, он каждый раз находил новое, необыкновенное, неповторимое, он завораживал. И зритель верил ему, зритель ошаманился вместе с ним.

Так и теперь: под ярким лучом прожектора он свернулся в кольцо и покотился по сцене вместе с бубном. И всем казалось, что не шаман это, а бубен шамана катится по сцене. Потом резкий, пружинистый прыжок - и... под лучами прожектора шаман исчезает со сцены.

- Bravo! Бис! - зритель стоя приветствует Женю танец. - Bravo! Бис!

- Но почему занавес пошел? - Я находился в зале и почувствовал, что на сцене что-то случилось.

И пока зритель неистовствовал, вызывая "на бис" шаманский танец, я не помню, как очутился на сцене и увидел, как вокруг огромной дыры на сцене столпились все артисты балета вместе с Сашей Гилем, а внутри, на двухметровой глубине оркестровой ямы лежал, не подавая признаков жизни, великий шаман.

Случилось непредвиденное: рабочие сцены забыли закрыть оркестровую яму, и, войдя в экстаз шаманского танца, Женя в прыжке залетел в нее и упал на спину.

Когда его вытащили, он открыл глаза, пытаясь поднять руку, в которой был бубен, но не сумел удержать его.

Бубен покотился, потом закружился на месте и упал. Раздался его тревожный стон...

Вызвали скорую. А зрительный зал ревел: "Бис! Bravo! Шаман! Bravo! Бис!"

Недолго думая, Саша Гиль наряжается в запасной костюм шамана, занавес открывается, звучит мелодия... Шаманит Гиль!

- Справится ли? - Все мы замерли. Затих и зал. Но когда окончился спектакль, зал стоя приветствовал всех артистов. Дарили цветы. Вызывали на выход шамана...

А к Саше Гиле подошел Маркел Моухнаткин - рыбак и как-то просто, по-нашенски:

- Ох, маштер, Шаша! Ох, маштер!

Хабаровск, 1967 г. Апрель.

ГЕНАЦВАЛЕ

Отдыхали мы как-то с другом - писателем Васей Ледковым в Пицунде, в Доме отдыха писателей... В Абхазии, значит...

Однажды захотелось нам отведать хорошего копченого сыра и запить его молодым грузинским вином. Забежали мы по этому поводу в ближайшую харчевню. Она напомнила нам летнюю юрту оленеводов: дым валит из отверстия сверху, внутри костерок, на крючках коптится мясо, на полках сыр копченый... В переднем углу стол, похожий на букву "П".

Так как было раннее утро, то мы с Васей оказались первыми посетителями. Для первых - и почетное место - в верхней черточке буквы "П".

Костерок напоминает тундру, да и посетители на виду. Сидим, вино потягиваем, байки про Севера свои травим. Приятно, и хмель не берет.

Вдруг в харчевню, как горная лавина в притихшее ущелье, резко жестикулируя руками и громко объясняясь, врывается толпа: впереди молодые, крепкие парни в джинсах, черных рубахах и кожаных куртках, и их теснящие старики - под бурками кинжала, в пахахах.

Юноши, как по команде, заняли левую сторону П-образного стола, а старики - правую.

Обслуга харчевни вмиг наставила молодого вина на столы, мяса, сыра. Наполнены бокалы.

- Артур?! - взял тост первый старец. Все встали - и старики, и молодые. - Артур?! - и полилась строгая, барабанная речь. Она была непонятна нам.

Старики кивали головами, слушающая тост первого тамады, молодые делали вид, что слушают, подтал-

Владимир Коянто за рабочим столом.

кивали друг друга локтями.

Выпит первый тост. Встает второй старец - второй тамада... И снова он обращается к Артуру. Кивают головами старики, шутят молодые.

Но когда слово взял третий, то все почему-то насторожились, ибо он вышел из-за стола и стал между молодыми и стариками. Какая это была речь - грузинская или абхазская, не знаю, но мы почувствовали, что тут что-то неладное, и не пора ли нам, как говорится, сматывать свои удочки?

Однако, хмель от обильно принятого вина и северное любопытство взяли верх.

- Подожди, Коянто! - Вася заметно для стариков поманил пальцем юношу по имени Артур. - Извини за нескромность, что здесь происходит?

- Учить нас надо, Вася, старые пердуньи, пердуньям эн.

- Ну а вы? - полюбопытствовал и я.

- Как видите! - и он поспешил к своим друзьям.

- Наливай, Вася! Полней наливай! - мы с Васей встали, и я обратился к молодым и старикам: "Генацвале! Мы с другом с далекого Севера - я с Камчатки, а Вася - из Архангельска, не знаем, о чем вы тут ведете речь, но мы хотим подарить вам свой тост!"

И я запел, а Вася подхватил: Расцветай под солнцем, Грузия моя!

Ты любовь, покой свой обрела! Что тут началось! Повскакивали с мест старики и молодые, все сгрудилось у нашего стола. Стол был завален бутылками вина и грузинскими деликатесами. Песня была подхвачена всеми, кто находился в это время в харчевне, это был настоящий грузино-корякско-абхазско-невельский хор.

С песней нас на руках вынесли на площадку перед харчевней. Потом были "Утки" и "Норгалы", грузинские танцы и песни, был праздник Дружбы.

Пицунда, 1987 г.

КАМЧАТСКА БЕРЕЗА

В 1976 году я учился в Высшем литературных курсах в Москве. Осенью вместе с дальневосточными писателями Василием Ефименко, Николаем Наволочинным и Виктором Александровским был приглашен киевскими писателями в гости.

Моя поездка совпала еще с одним событием, можно сказать, радостным: украинский поэт и сокур-

ник Василий Марсюк перевел цикл моих стихов на украинский язык, вот одно из них:

В ридних краях посадив беризку.

Витре злий, не шарпай без пуття!

Посадив малесеньку беризку -

И повнище стало вся життя.

Де б не був я, до якого краю

Забрести не выпало б мене,

На тебе, беризку, пригадаю -

И тепліше стане в чужині.

Тільки й ти, красуне бילוкара,

Не сумуй над урищем крутим.

Хай тебе чашують ридни гори,

Гриє на втрах вранці дим.

А коли в дорозі заблукаю,

У птьми зйду на маницю -

Стань мени зорею понад плаєм,

Протягни, мов руки, паницю.

З краю свити я тебе побачу,

Прилеку кризь буревій и сміг.

Доторкнусь до кист твоих -

Заплачу...

Под Полтавой, на даче Короленко, украинские писатели в одном из лучших совхозов устроили нам уху. Длинные столы вдоль речки. Псел, жаркий костер и огромный котел с жаркой ухой: столы ломятся от знаменитого сала и украинских колбасок, горилка с перчиком, мне ли рассказывать про украинское хлебопостовство.

Пьем, закусываем, спиваем украински пирески. Рядом со мною хозяин - директор совхоза:

- Озимы пожухнуть! Урожай нэ буде! - жалуется он.

- Да шо ты говоришь! Разнылся як баба погана! Тай рядом с тобою корякский письменник-шаман Коянто, попроси его, пушай дождь накликае! - Секретарь обкома был уже в своей тарелке. А если секретарь обкома КПСС вемшался, то...

Хозяин смотрит на меня с мольбой... Что делать? Я прыгаю через стол к костру, хватаю крышку от котла - и в пляс, зашаманил, значит.

После моего камланья хозяин плотнее подсел ко мне и на полном серьезе:

- Коянто! Завтра, если буде дидь, - выбирай лучшую хату, тай гарну дичину впридачу дам! Тильки шаман!

Утром, уже в Полтаве, в гостинице бужу друга Сашко Черни:

- Побачь, Сашко, дождь идэ? А он на русской мові:

- Дождя нет! Солнце яркое!

- Включай радио!

А из приемника:

- На Полтавшине - ясно! Мороз минус пять!

По телу моему холодные мураш-

ки, в душе горностаи заскребли:

- Ни хаты, ни гарной дивчины - ничего нэма!

Полтава, 1976 г.

ТУММИ

Возвращаясь я как-то с Байкальской весны - были такие поэтические праздники, читинские, да из-за непогоды застрял в Петропавловск-Камчатском.

Володя Науменков - замечательный русский поэт и широкая душа:

- Не упустишь, Коянто, пока не сотворишь на литературную страницу - Володя заведовал литературным отделом "Камчатской правды". Я знал, что от Володы просто так не отделаешься: телефонными звонками изведет, в гости заарканит новую поэму слушать, да и просто так за чаркой хорошего вина поспорит о поэзии. Такие встречи горячили кровь.

Побещал, сижу, работаю над новым рассказом "Тонки". Сюжет из жизни: как наш Арольманский шаман Беккери гонки устроил на собачьих упряжках с немцем - врачом Розе, было это во время войны.

Название есть, много листочков исписанных валяется, но рассказ не идет. Нет движения - гонок нет!

Стук в дверь, Тумми прилетел - заслуженный артист России, солист из "Мэнго". То ли с Украины, то ли из Белоруссии ансамбль возвращался. Обнялись. Глядя на бумажках беспорядок, он, как мне показалось, с гордостью, произнес:

- Творишь?!

- Творишь?!

- Не грех и за успеди?!

- Плохо, Тумми, совсем плохо! Понимаешь, песни нету...

- За чем дело? Давай только по махивной, и споем! - Тумми знал мою слабость - песни. А уж если и рюмка тут замешана, без песни и вовсе тут не обойтись. К тому же и Тумми - замечательный певец, с самим Колой Белды не один раз на спор "кто кого перепоеет" устраивали спевки.

Выпили за встречу и запели в два голоса песню друга моего Бориса Заева. Она у нас всегда неплохо получалась.

Над волной белоеривой зоря,

Занялась, зянялась,

Улыбається амый Восток,

От подружы моей из родного села

Песню в море принес ветерок...

За Бору выпили...

- Нет, Тумми! Ты совсем не так меня понял. Рассказ у меня без песни не получается... Понимаешь, рассказ!

- Давай еще споем, получится!

Тумми вытянул вперед руки, его узкие глаза стали еще уже, закрылись от удовольствия совсем. - Вот послушай, Коянто, как мы с Колой Лазаревым поставили песню Гоши "Утки". Как ее принимали там, в Белоруссии!

- Да, песня шамана у меня в рассказе не звучит, понимаешь, гонок без песни нет!

- А-а! - многозначительно произнес Тумми и небрежно бросил свое грузное тело в кресло. - Читай свой рассказ!

Я начал читать. И когда мой шаман должен был запеть свою шаманскую песню, от которой собачки Розе останавливались, Тумми с кресла взлетел на диван, потом на стол, стол рухнул от тяжести его тела. Но Тумми шаманил, и остановить его было уже бесполезно:

Ирагита пив-в-в!

Кон-кон, клетта пив-в-в!

Лечу по тундре,

Только ветер свистит

По тальникам...

Колокольчиков звон слышу!

Мы творили...

И вспомнил тогда мне мартовский день 1970 года. Мы с Сашей Стафеевым - первым баянистом ансамбля "Мэнго" пилили дрова возле дома. Подошел к нам мальчишка - худой, длинноволосый.

- Я к вам пришел... Плясать хочу в ансамбле...

- Откуда такой? - Саша оглядел мальчишку с ног до головы, вроде бы примеряя по своему росту. - Хорoshi!

И мы привели тогда Иоську Жукова к Гиле.

Теперь он Тумми - заслуженный артист России, а сегодня еще и шаман.

Такое не забывается: мы выпили и за это, и за рассказ... А потом запели. В номер поступали - горничная явилась, послушала песни, взяла за порушенный стол с нас по полтинничку, на прощание - предупредила.

А рассказ получился, Тумми. Володя Науменков этот рассказ в "Камчатской правде" напечатал. Он умел радовать друзей.

Петропавловск-Камчатский, 1978 г.

"... ЧТО-ТО ТАК ОБРАДОВАЛО, ЧТО НЕ ЗАБУДЕШЬ..."

Завтра, 14 апреля, хабаровчане будут впервые смотреть первый национальный корякский балет "Мэнго". А пока, после заключительного концерта Всероссийского фестиваля самодельного искусства, который проходил в краевом драматическом театре, мы радуемся, что наш успех услышан далеко от дома, и тут, в Хабаровске: на программе заключительного концерта известный советский писатель, лауреат многих Государственных премий Константин Симонов оставил такой трогательный автограф: "Самое радостное, сильное, темпераментное - это праздничный танец "Корякского ансамбля танца".

Я довольно много видел в жизни - и вдруг что-то прибавилось. Что-то так обрадовало, что не забудешь.

От всей души хочется пожелать успеха этим чудесным девушкам и ребятам - успеха у себя дома, в Хабаровске, в Москве, а доведется, так и в Париже. Константин Симонов".

Мы знали, что Константин Симонов едет в Японию и сделал оставил в Хабаровске ради фестиваля по приглашению народного артиста РСФСР, профессора Московской консерватории, председателя жюри фестиваля Владимира Геннадьевича Соколова.

Саша Гиль пригласил Симонова и на просмотр балета. Зная, что я вожу с собой рукопись стихов "Оленьими тропами", Саша как-то намекал: "Может, Симонову покажешь?"

Я робел... Но прошел балет, успешно, с триумфом. По такому случаю Камчатское областное управление культуры устроило банкет в ресторане "Золотой рог".

- Симонов будет на банкете! - ненароком намекнул мне Гиль.

Я волновался, но рукопись с собой все-таки взял.

Веселимся, танцуем, пляшем. Константин Михайлович с неизменной трубкой во рту, седой, немножко сутулый, в черной рубаш-

Владимир Коянто и Николай Шагин.

ке, черных брюках, в просторном, под цвет седины, пиджаке, не сидит на месте: дам много, да и от желающих потанцевать, поговорить со знаменитостью нет отбоя.

И во время вальса, когда наши пары сблизилась, я шепнул:

- Константин Михайлович, я тут рукопись принес...

Он оттопырил карман своего пиджака:

- Давай ее сюда!

Так рукопись моя перекочевала к Симонову.

Прошло примерно полгода, о рукописи я уже почти что забыл: мало ли дел у великого писателя.

Забросила меня как-то дорога в далекое северное село Аянска. Работую, вдруг срочная телеграмма от Фа - жены моей, из Паланы:

"Торопись Палану тчк Радостное письмо Константина Симонова тчк Надо работать тчк Фа".

Что-то так обрадовало, что не забудешь! В Палану я летел на крыльях в полном и переносном смысле.

Потом первый сборник, личные встречи в Москве, беседы в его кабинете на улице Чернышевской, симоновская трубка и письма. Последняя встреча была на 6-м съезде Союза писателей СССР, он был уже болен.

Он пророчил нашим девчатам и ребятам Париж - сблизил его пророчества. Он поверил моим стихам...

После смерти он просил, чтобы его прах в виде пепла развеяли по местам его боевого пути, по местам "Живых и мертвых".

Он вечен - добрый, совестливый, мудрый.

Хабаровск - Палана, 1967-1998 гг.

КАК Я В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ВСТУПАЛ

Вступить в Союз писателей было гораздо труднее, чем в партию, - пугали тогда. И было это действительно так. Для вступления у тебя должно быть не менее трех изданных авторских книг и, конечно же, журнальные публикации. Газетные - не в счет. Еще нужно было обязательно заручиться тремя рекомендациями (больше - лучше) писателей, стаж которых в Союзе не менее пяти лет.

Мне, живущему на самой окраине России, в округе, чтобы пообщаться с пишущей братией, нужно было выбирать - Хабаровск или Владивосток: камчатской писательской организации в 1973 году не было.

Я выбрал Хабаровск. К тому времени у меня уже была одна книга стихов "Оленьими тропами", вышедшая в 1970 году во Владивостоке, и несколько публикаций в журнале "Дальний Восток" и альманахе "Камчатка", а также в коллективных сборниках.

Рекомендации охотно дали Юрий Рытхуа, Виктор Александровский, Иван Сисоев...

Есть рекомендация, имел публикации, жду, когда же позвонят на собрание, т.е. на прием?</